

РЕЦЕНЗИИ

УДК 930.23 + 141.827

Ю. В. Куперт, А. В. Луценко

О ПОЛЬЗЕ ЗНАНИЯ (КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О КНИГЕ И. М. ВЕЛЬМА И В. В. АЛЕКСЕЕВА «СТАЛИНИЗМ»)

Осуществляется критический анализ предложенной И. М. Вельмом и В. В. Алексеевым интерпретации научных и политических взглядов А. А. Богданова, называемой авторами «концепцией социально-организованного опыта (СОО)». Рассмотрены предложенные этими авторами методологические и источниковедческие аспекты формирования их позиции в контексте развития мировой и российской общественно-политической мысли XX в. Доказывается недостаточная аргументированность позиций И. М. Вельма и В. В. Алексеева относительно связи между «концепцией СОО» и действительными научными взглядами А. А. Богданова.

Ключевые слова: *А. А. Богданов, тектология, марксизм, сталинизм, эмпириомонизм, махизм, идеология, социальная организация.*

Книга И. М. Вельма и В. В. Алексеева позиционируется авторами, учеными Удмуртского государственного университета как научное исследование по одной из наиболее серьезных проблем новейшей истории. Непосредственно во вступительном слове исследователи отмечают: «В постсоветском обществе непоколебимо продолжает функционировать социальное подсознание, заложенное в процессе строительства социализма И. В. Сталиным (здесь и далее при цитировании сохраняются орфография и пунктуация авторов. – Ю. К., А. Л.)» [1, с. 5], и полагают, что «сталинизм остался непонятым, соответственно, осталось неизвестным, что и как преодолевать, соответственно, сталинизм, в действительности, остался и остается непреодоленным; вся послесталинская история страны (СССР и России) сводится к бесплодным попыткам преодолеть заложенные И. В. Сталиным механизмы функционирования общества» [1, с. 10]. Завершая введение к своей книге, И. М. Вельм и В. В. Алексеев определяют сталинизм как одну из эффективнейших социальных технологий XX и XXI вв. [1, с. 10], а свою исследовательскую задачу видят в том, чтобы «...объяснить главное, если можно так выразиться, строенное противоречие: откуда, при всех неслыханных ужасах и т. д., неслыханный же социальный энтузиазм, предметно выраженный в неслыханных же предметных достижениях и неслыханное же укоренение сталинизма в социальном сознании советского народа, а затем и „дорогих россиян“?» [1, с. 15].

Истоки сталинизма со всеми его противоречиями исследователи видят в том, что «И. В. Сталин использовал в своей социально-политической пра-

ктике разработанную известным деятелем конца XIX – начала XX в. А. А. Богдановым концепцию социально-организованного опыта (в дальнейшем – СОО). Этой концепцией он заменил ленинские подходы к строительству социализма, настолько умело совершив подлог, что в социальном сознании советского общества остался верным продолжателем ленинского дела. И само советское общество полагало, что под руководством И. В. Сталина реализует ленинские заветы» [1, с. 5].

Характеризуя богдановскую концепцию, Вельм и Алексеев отмечают в качестве ее основных положений следующее: «Организатору необходимо выдвинуться из коллектива как личности, общепризнанно обладающей наибольшим опытом, т. е. большими познаниями, большими умениями, лучшими организаторскими, руководящими способностями. <...> Совершенно неважно, о каком конкретном опыте, о каких конкретных связях, о каких конкретных целях идет речь. Совершенно неважно, где используется этот принцип: в любой практической деятельности (в т. ч. в политической), в познании и т. д. – схема всегда постоянна.

Организатору необходимо внедрить идею в массовое или общественное сознание. Для этого он:

- привлекает талантливых сотрудников (помощников), чтобы они проводили идею организатора по всем направлениям;

- доказывает и показывает, что идея восходит к опыту и указаниям общепризнанных великих предков;

- для реализации идеи использует насилие, жестокость, подавление инакомыслия, софистику, ложь и т. д.;

– придает идее статус единой и единственной в обществе идеологии, организует всю культуру, всю социальную жизнь (в т. ч. экономику) в соответствии с этой идеологией.

В результате идея становится общезначимой, а организатор – Лидером, Вождем, когда он действует в соответствии с вышеперечисленными постулатами, а не относится к ним как к теоретизированию, философствованию. Став общезначимой или социально значимой, идея тем самым становится объективно истинной для конкретного периода времени» [1, с. 43–44].

Первая половина этого пассажа, характеризующая организатора как некоего «гиганта мысли и дела», не содержит никаких указаний на работы А. А. Богданова и, судя по всему, представляет собой точку зрения исключительно самих авторов «Сталинизма» на то, как представлял роль организатора Богданов. Что же касается второй половины, то в ней ссылки на источники, подтверждающие выводы Вельма и Алексеева, даны буквально в конце каждого абзаца. Проблема в том, что данные подтверждения оказываются, мягко говоря, недостоверными.

Прежде всего, это касается процесса «выдвижения организатора». Вельм и Алексеев считают: организатор вначале создает идею, потом, благодаря этому, обретает власть над рядовыми исполнителями и преобразует жизнь общества в соответствии со своей идеей, и, ничтоже сумняшеся, приписывают эту мысль Богданову [1, с. 43]. Однако сам Богданов в книге «Эмпириомонизм» – одном из программных своих произведений – по этому поводу утверждал нечто диаметрально противоположное: «Идеология есть одна из составных частей, и очень важная, той социальной среды, от которой зависит судьба новой формы, технической или идеологической. Консервативное и задерживающее влияние идеологии может быть громадно. <...> С другой стороны, широкая и гибкая идеология чрезвычайно облегчает развитие новых форм и их слияние с социальным целым, ее организующие формы могут сыграть как бы роль связующего звена между „новым“, „непривычным“ и „старым“, „привычным“ <...>. Одного не может сделать никакая идеология – *вызвать* развитие, послужить для него *первичным двигателем*. Она не может этого потому, что имеет не прямое, а косвенное отношение к источнику всякого развития – к непосредственной борьбе человека с природой» [2, с. 282–283]. Соответственно этим подлинным словам Богданова вся картина возвышения организатора становится принципиально иной: вначале он получает власть в силу *большей* технической и управленческой компетентности, потом осуществляет преобразо-

вание общества в направлении, облегчающем совместную борьбу против стихийных сил природы, и уже потом сам организатор или его преемники придают данной практике форму организующей идеи («идеологии»). Этот процесс многократно описывался Богдановым в «Кратком курсе экономической науки», «Эмпириомонизме», «Философии живого опыта» и «Науке об общественном сознании», и нигде описание не принимало той формы, которую попытались придать ему авторы «Сталинизма» (кстати, примечателен тот факт, что «Эмпириомонизм» не только ими нигде не цитируется, но даже не включен в список источников и литературы к монографии).

В принципе, этого момента было бы достаточно для того, чтобы показать несостоятельность выводов И. М. Вельма и В. В. Алексеева о «богдановской концепции СОО» (которая, как можно видеть, на деле противоречит в своем исходном пункте действительным взглядам Богданова), но остальные тезисы авторов о роли организатора обнаруживают ту же тенденцию к излишне вольному обращению с историческими источниками.

Так, в подтверждение тезиса о том, что «организатору необходимо выдвинуться из коллектива как личности, общепризнанно обладающей наибольшим опытом, т. е. большими познаниями, большими умениями, лучшими организаторскими, руководящими способностями» [1, с. 43], авторы дают ссылку на книгу Богданова «Философия живого опыта». Однако на указанных ими страницах Богданов описывает только одну из нескольких форм социальной организации опыта – авторитарную, которая является исторически первичной, но отнюдь не единственной. Более того, из богдановского текста можно увидеть, что ни о какой «необходимости», и особенно о сознательном стремлении лидера выделиться из коллектива, нет и речи: «По мере того, как производство общины расширялось и усложнялось, распределение работ между ее членами становилось все более трудной задачей. Оно уже не могло выполняться всей общиной непосредственно и стихийно, как прежде, а должно было мало-помалу выделиться, как специальность особого распорядителя, организатора; таковым являлся большей частью старейший в роде, человек наибольшего опыта. Он указывал другим, что они должны делать, и они исполняли его указания. Это было целесообразно и необходимо, так что в ряду веков такая форма сотрудничества упрочивалась, закреплялась обычаем и приобретала величайшую устойчивость. Родовое общество стало „авторитарным“, т. е. основанным на власти и подчинении. Патриарх или вождь „повелевал“, остальные поступали сообразно его повелениям» [3, с. 22].

То, что данная форма социальной организации опыта представлялась Богданову далеко не единственной и уж точно не универсальной, можно понять при внимательном чтении «Философии живого опыта». Так, на с. 40–42 описывается процесс формирования рыночного хозяйства взамен натурального и соответствующий ему процесс смены авторитарного сотрудничества принципиально новым – «меновым»: «На рынке экономическая необходимость стихийно и властно определяет результаты действий человека. Но она же обусловила и самые эти действия – привела человека на рынок. Он – товаропроизводитель – является самостоятельным хозяином в своем хозяйстве, производит, что хочет и как хочет. Но он необходимо должен идти на рынок, продавать товар и покупать орудия, материалы, средства потребления, чтобы продолжать производство. Эта необходимость лежит в общественном разделении труда, в том, что каждый живет не своим личным, а общественным трудом, и вне сотрудничества с другими жить не может, ибо не в силах производить в своем хозяйстве все нужное для него. Его самостоятельность всецело подчинена власти общественных отношений, связывающих его с другими людьми; эта власть и заставляет его выходить из рамок своего хозяйства, где он делает, что хочет, и знает заранее результаты своих действий – толкает его на рынок, где он вынужден подчиняться не им созданной конъюнктуре и не может знать заранее, каковы будут результаты его действий» [3, с. 40–41]. Как видим, социально-организованный опыт, с точки зрения Богданова, не остается всегда один и тот же, как это пытаются представить в своей работе И. М. Вельм и В. В. Алексеев [1, с. 43], а эволюционирует с изменением типа хозяйственной организации, да так, что уже на следующей за первобытным авторитаризмом стадии (которую можно назвать «меновый», «рыночной» или «капиталистической») для «центральной фигуры Лидера и Вождя» не остается места ни в сфере социального сотрудничества, ни в отражающей это сотрудничество системе социально-организованного опыта. Правда, чтобы увидеть это, необходимо обратиться к первоисточнику.

Теми же методологическими дефектами страдают и другие тезисы Вельма и Алексеева, относящиеся к процессу «выдвижения организатора». Так, фраза о привлечении «талантливых сотрудников (помощников)» [1, с. 43] вообще подкреплена ссылкой не на А. А. Богданова, а на его сурового и энергичного критика А. В. Щеглова, опубликовавшего в 1937 г. монографию «Борьба Ленина против богдановской ревизии марксизма», т. е. действительные взгляды Богданова в изложении авторов «Сталинизма» с непонятной целью подме-

нены точкой зрения его пристрастного оппонента, к тому же допускаявшего при пересказе критикуемых воззрений намеренные упрощения и искажения.

Далее, что касается ссылки на авторитет предков как средства легитимации идей организатора, то у Богданова, на которого ссылаются Вельм и Алексеев [1, с. 43], речь шла, вообще-то, о возникновении религий в первобытном авторитарном обществе: «Пусть перед нами родовая община, организатор которой – патриарх – властно руководит всеми жизненными отношениями остальных ее членов. Он, конечно, не в силах был бы успешно делать это сложнейшее дело, если бы не опирался на накопленный опыт предков и не пользовался в массе случаев готовыми указаниями своих предшественников по организаторской функции. Ссылаясь на их волю, выступая как исполнитель их заветов, он тем самым в глазах всей общины ставит их авторитет над своим как более высокий и могущественный. Для каждого последующего организатора предыдущий был руководителем и повелителем; таким образом в сознании общины восходящий ряд предков-организаторов представляется как цепь поднимающихся один над другим авторитетов. Уходя в глубину прошлого, фигуры их вырастают до гигантских, сверхчеловеческих размеров: образы „героев“ (у греков так назывались полубоги) и далее – настоящих „богов“. Культ предков-организаторов положил начало всем религиозным системам» [3, с. 25]. Первое, что недвусмысленно следует из слов Богданова: первобытный авторитарный лидер вовсе не создавал каких-то «идей» для захвата власти – напротив, при создании идей он уже обладал властью над общиной. Второе: такой лидер никому ничего не «доказывал» и не «показывал» – он просто управлял своей общиной в соответствии с наработанным предками-организаторами опытом, к которому и обращался в процессе принятия решений. Чтобы углядеть в выполненной Богдановым реконструкции появления первобытных религий механизм легитимации власти в современном обществе, нужно обладать несколько гипертрофированным воображением.

Наличие такого воображения у авторов «Сталинизма» подтверждается буквально следующей же строкой их рассуждений – фразой об обязательном использовании насилия, жестокости, лжи и т. д. для реализации лидерской идеи [1, с. 43]. Для подтверждения этого тезиса И. М. Вельм и В. В. Алексеев ссылаются на книгу Богданова «Десятилетие отлучения от марксизма» (которую, кстати, сами исследователи на протяжении своей монографии почему-то упорно называют «Десять лет отлучения от марксизма»), однако на указанных ими страницах Богданов лишь критикует теорию У. Тейло-

ра о происхождении понятия души из сновидений, противопоставляя этому свою концепцию: «Идея о душе и развившееся из нее представление о двойственности бытия – о духовном и телесном мире – в ряду веков создавали основу господствовавших мировоззрений, простирались на все мышление людей, имели огромное влияние на всю их жизнь: припомните, какую роль играли заботы о душе во всех высокоразвитых религиях, сколько материальных жертв приносилось для спасения душ, – причем ради него губили иногда сотни тысяч живых человеческих тел. И такую мощную, прочную организационную форму породили... сновидения! Далее сновидения имеются, несомненно, на всех ступенях развития человечества, – как они бывают и у многих животных. Между тем „анимизм“ – верование в души – встречается не на всех ступенях культуры. <...> Кроме того, в истории наблюдается, что анимистические мировоззрения развиваются, усиливаются, слабеют, падают рядом с ростом и упадком современных классов. <...> Старая теория не дает пути ни к объяснению, ни к предвидению таких фактов. Для сколько-нибудь логичного марксиста она не более чем детская наивность. Мир сновидений – область внепроизводственная, внеобщественная, и выводить из него огромный ряд идеологий гигантской силы и широты способен только крайний идеалист. Итак, организационная точка зрения вынуждает отвергнуть теорию Тэйлора. Но она же прямым путем ведет к иному, вполне научному объяснению анимизма. Взгляните на анимизм как на организационную форму. Что она организует? Прежде всего, разумеется, то, что в ней самой заключается. А что именно в ней заключается? Два элемента – „дух“ и „тело“ и определенная связь между ними. Какая же связь? „Тело“ для анимиста, это – человек, которого он видит и знает; „душа“ – человек, которого он, в дополнение к первому, принимает. Итого – два человека и на ранних ступенях анимизма даже совершенно не различающиеся между собою ни по виду, ни по физическим свойствам, ни по потребностям. Два человека, и между ними – сотрудничество. Душа распоряжается, управляет телом; оно повинует ей, выполняет ее волю. Она за него думает, решает; оно за нее делает, что она решит. Это – разделение труда, и притом специального типа, так называемое „авторитарное“» [4, с. 62–63].

Каким образом из этих рассуждений Богданова Вельм и Алексеев сумели вычитать использование «насилия, жестокости, подавления инакомыслия, софистики, лжи и т. д. и т. п.» [1, с. 43] для реализации идей организатора представляет собой, пожалуй, одну из самых больших загадок, а именно: каким образом можно извлечь из текста ту инфор-

мацию, которая в нем не содержится вообще? Ответ очевиден: ее можно только придумать.

В пользу этого неприятного вывода говорит, например, такое заявление Вельма и Алексеева: «В текстах А. А. Богданова не встретишь прямых утверждений, что новое пролетарское искусство заменит науку. *Требуется логически домысливать, догадываться о такой возможности* (курсив наш. – Ю. К., А. Л.)» [1, с. 69]. Именно метод «домысливания» за критикуемого ученого его взглядов, по непонятной причине не включенный авторами «Сталинизма» в перечень методологических принципов своей работы (а ведь туда был включен даже в высшей степени неординарный для историков метод «доброй воли» [1, с. 15], которая, вообще-то, относится не к методологии научного исследования, а к мотивациям социального поведения), и позволяет Вельму и Алексееву выстроить «концепцию СОО».

Так своеобразно авторы «Сталинизма» аргументируют свой вывод о том, что организатор, утвердившийся у власти, «придает идее статус единой и единственной в обществе идеологии, организует всю культуру, всю социальную жизнь (в т. ч. экономику) в соответствии с этой идеологией» [1, с. 43]. Ссылки, призванные подтвердить этот тезис, указывают на развернутое определение идеологии, данное Богдановым в статье «Программа культуры», и главу 9 «Идеология» богдановской работы «Десятилетие отлучения от марксизма». Однако оба весьма немаленьких текста, на которые ссылаются исследователи (3 страницы из статьи «Программа культуры» и неполных 9 страниц из «Десятилетия...»), в действительности содержат детальное описание происхождения идеологии, к которой Богданов относил речь, познание, искусство, правила и нормы отношений между людьми [4, с. 55; 5, с. 324], причем основное внимание ученый уделил концепции Л. Нуаре о происхождении речи из «трудовых криков» – звуков, произвольно издаваемых человеком при интенсивных физических усилиях [5, с. 324]. Объемы текстов, на которые ссылаются Вельм и Алексеев, слишком велики, чтобы приводить их целиком. Однако единственное, что в них крайне приблизительно соответствует умозаключениям авторов «Сталинизма», – это *всего одна фраза из «Десятилетия отлучения от марксизма»: «...Если с помощью идеологии организуется жизнь общества, то идеология должна быть едина, когда едина организация общества, и не может быть едина, когда эта организация разъединена»* [4, с. 56]. Даже если вырвать эту фразу из общего контекста главы (в которой речь идет исключительно *об историческом развитии идеологий с древнейших времен до начала XX века* без заглядывания в «коммунистическое

далеко»), то углядеть директивное предписание насильственной унификации общественного мировоззрения (а это и есть «превращение идеи в единую и единственную идеологию общества») в простой констатации Богдановым факта функциональной зависимости идеологии от характера социальной организации можно *только при помощи метода «домысливания»*.

Далее свой тезис о том, что «философским основанием (концепции СОО. – А. Л.) является субъективный идеализм в форме махизма» [1, с. 42], авторы доказывают ссылками... на ленинскую работу «Материализм и эмпириокритицизм», хотя методологически вернее было бы рассмотреть связь философских воззрений Богданова и Маха не в пересказе Владимира Ильича, а непосредственно по текстам их работ. Да и отнесение позитивистской философии махизма к «субъективному идеализму (доходящему до солипсизма)» [1, с.42] является с точки зрения современной философской науки глубоко ошибочным – не в последнюю очередь потому, что сам Эрнст Мах в монографии «Анализ ощущений и отношение физического к психическому» (1885) высказался по поводу солипсизма весьма недвусмысленно: «...Я прежде всего должен заявить, что очень далек, без сомнения, от правильной оценки моего воззрения тот, кто, несмотря на неоднократные протесты как с моей стороны, так и со стороны других, отождествляет его с воззрением Беркли (субъективного идеалиста. – Ю. К., А. Л.). <...> На это я должен заметить, что <...> для меня мир не есть только сумма ощущений. Я ведь ясно и определенно говорю о функциональных отношениях между элементами» [6, с. 295–296]. «Элементы» же Мах прямо признает конкретными и определенными свойствами объективной реальности, которые обнаруживает человек с помощью своих органов чувств и которые тот же человек осмысляет для себя с помощью своего сознания, группируя в первом случае как совокупность характеристик окружающего мира, а во втором – как совокупность своих ощущений [6, с. 63].

Характеристика подобных взглядов как «субъективного идеализма (доходящего до солипсизма)» побуждает сделать неутешительный вывод: И. М. Вельм и В. В. Алексеев, хотя и внесли «Анализ ощущений» в список источников и литературы к своей монографии, но *этой книги явно не читали и непосредственно со взглядами Маха не ознакомились*, решив по каким-то неизвестным причинам, ограничиться исключительно ленинским перетолкованием махизма в «Материализме и эмпириокритицизме». Справедливости ради следует уточнить, что и Ленин в своем философском трактате взялся рассуждать о Махе, не прочитав его ра-

бот, за что получил критическое замечание от А. А. Богданова в статье «Вера и наука (о книге В. Ильина „Материализм и эмпириокритицизм“)» [7, с. 164–165].

Показательно, что «Вера и наука» также включена авторами «Сталинизма» в список источников и литературы и, *судя по некоторым их откровенно ехидным замечаниям на с. 51 монографии*, также ими не прочитана или, во всяком случае, прочитана крайне бегло и выборочно. Имеются в виду следующие строки о Богданове: «Он постоянно повторял и не только в „Вере и науке“, что католицизм *был* истиной для того времени, опыт которого он организовал наиболее успешно и полно (Когда и где? Время и место? Конкретно? – *Авт.*)» [1, с. 51]. Если бы авторы «Сталинизма» внимательно читали богдановскую работу, они бы обнаружили там ответ на все три своих вопроса: «Католицизм был истиной в ту эпоху, когда он стройно и связно объединял наибольшую сумму человеческих переживаний – в *феодалную* эпоху <...>. Тогда, при господстве авторитарных отношений во всей социальной жизни людей, вполне логичным и гармоничным их дополнением, их мысленным завершением были идеи об авторитарном устройстве Вселенной, об ее управлении целой градацией мелких божеств и господствующего над ними всеми верховного повелителя – как мы это видим в средневековом католицизме» [7, с. 180]. Если же нужны еще более конкретные указания на полезную организаторскую роль средневекового католицизма, то достаточно вспомнить хотя бы тот, можно сказать, хрестоматийный факт, что ныне действующий во всех европейских странах календарь был разработан именно католическими священнослужителями (из которых особо следует отметить каноника Фромборкского собора преподобного Николая Коперника) и введен в обиход в 1582 г. по распоряжению римского папы Григория XIII, вследствие чего и называется «григорианским».

Однако вернемся к характеристикам философских основ «концепции СОО». И. М. Вельм и В. В. Алексеев утверждают: «На махистском основании А. А. Богданов формирует свою социальную теорию (собственно СОО). Субъективный идеализм „преодолевается“ при согласовании индивидуальных опытов в опыт социально-организованный, или в общезначимое, или в социально значимый опыт. А. А. Богданов использует ряд упрощенно и схематично воспринятых марксистских положений: индивидуальные опыты людей согласуются (организуются) в коллективно (социально) – трудовом процессе. Такое согласование доводится до уровня общепризнанной идеи (стройный, единый, целостный опыт или общезначимое) организатором – человеком с определенными способ-

ностями. Организатор является центральной фигурой СОО. Вопреки А. А. Богданову субъективный идеализм на этом не преодолевается. Индивидуальные опыты, уже признанные им же иллюзиями (галлюцинациями), можно согласовывать сколько угодно – общезначимое просто превращается в согласованную, общечеловеческую иллюзию (галлюцинацию)» [1, с. 42].

Здесь показателен следующий момент. Согласно приведенной Вельмом и Алексеевым ссылке, индивидуальную форму опыта «иллюзией (галлюцинацией)» признавал вовсе не сам Богданов в своих работах, а... Ленин, пересказывавший взгляды Богданова в «Материализме и эмпириокритицизме». Но вот незадача: на указанной авторами с. 242 18-го тома собрания сочинений Ленина слова «иллюзия» и «галлюцинация» вообще отсутствуют, да и о соотношении индивидуального и социального опыта там тоже нет ни слова. Вместо этого Ленин на данной странице громит концепцию «познавательного социализма» и методично приравнивает воззрения Богданова к доктринам западных философов А. Леклера, В. Шуппе, Г. Корнелиуса, П. Каруса и Т. Цигена, с одной стороны, и «русских махистов» П. С. Юшкевича и Н. Валентинова – с другой. Впрочем, на этой странице все-таки есть одна фраза, которая может быть истолкована как приблизительно соответствующая выводам авторов «Сталинизма»: «Думать, что философский идеализм исчезает от замены сознания индивида сознанием человечества, или опыта одного лица социально-организованным, это все равно, что думать, будто исчезает капитализм от замены одного капиталиста акционерной компанией» [8, с. 242]. Однако даже из этой фразы никак не следует, что Богданов считал индивидуальный опыт иллюзией. *Налицо снова применение метода «интерпретации».*

Что касается взглядов самого Богданова на индивидуальный и социальный опыт, то если бы И. М. Вельм и В. В. Алексеев прочитали критикуемую Владимиром Ильичом богдановскую работу, они бы обнаружили, что автор «Эмпириомонизма» вовсе не признавал любой индивидуальный опыт человека за иллюзию или тем более за галлюцинацию, а всего лишь характеризовал условия, при которых возможно точное разграничение индивидуального и социального опыта.

Индивидуальный опыт ученый определил так: «Область психики характеризуется прежде всего тем, что психические переживания одного лица не обладают общезначимостью по отношению ко всем другим людям. Мои восприятия и представления, взятые в их непосредственности, существуют только для меня и лишь косвенно приобретают познавательное значение для других людей,

да и то только отчасти. То же самое относится к моим эмоциям и стремлениям. Все эти факты „внутреннего опыта“ отличаются величайшей несомненностью – но только для меня, только для того, кто их переживает. Они „субъективны“, т. е. не согласованы с переживаниями других людей, не приведены в гармонию с их опытом и потому не имеют для других людей „объективного характера“. Они лишены той *социальной организованности*, которая присуща физическому опыту. <...> Сообщать свои переживания другим – еще не значит достигать согласованности, гармонии их с чужими переживаниями; от этого психический опыт отдельного лица не становится интегральной, органической частью коллективного опыта, он остается личным опытом» [2, с. 23]. Однако из текста не видно, чтобы Богданов считал такой опыт всего лишь иллюзией – напротив, он утверждал, что переживания любого индивида вполне реальны, и лишь недоступность их для непосредственного восприятия другими исключает их объективность и общезначимость.

Что же касается коллективного (социального) опыта, то, по Богданову, «объективными мы называем те данные опыта, которые имеют одинаковое жизненное значение для нас и для других людей, те данные, на которых не только мы без противоречия строим свою деятельность, но на которых должны, по нашему убеждению, основываться и другие люди, чтобы не прийти к противоречию. Объективный характер физического мира заключается в том, что он существует не для меня лично, а для всех, и для всех имеет определенное значение, по моему убеждению, такое же, как для меня. Объективность физического ряда – это его *общезначимость*. «Субъективное» же в опыте – это то, что не обладает общезначимостью, что имеет значение лишь для одного или нескольких индивидуумов. <...> Общезначимость есть не что иное, как *согласованность* опыта различных людей, *взаимное соответствие* их переживаний» [2, с. 15]. И из текста опять-таки не следует, что для обеспечения подобной согласованности непременно нужна какая-то «центральная фигура организатора» – более того, Богданов недвусмысленно указывает, что процесс гармонизации множества индивидуальных опытов в общем социальном опыте самым естественным образом осуществляется через коммуникацию людей в обществе, где представлены три разновидности взаимодействия: «1. *Формы непосредственного общения* – крик, речь, мимика <...> служат для *непосредственного объединения и координации человеческих действий*, а затем и представлений, и эмоций – психических реакций, неразрывно связанных с действиями и их собою определяющих. <...> 2. *Формы познаватель-*

ные – понятия, суждения и их сложные комбинации в виде религиозных доктрин, теорий научных и философских и т. п. Они служат для *систематического координирования труда на основе пережитого опыта*. Это координация менее непосредственного и более сложного характера. Она имеет тенденцию создать тахітум гармонии не только между действиями, выполняемыми в настоящем, но также между действиями, выполненными в прошлом, и действиями, которые еще предстоит выполнить в будущем. И здесь координация представлений служит средством координации трудовых актов. <...> 3. *Формы нормативные*: обычай, право, нравственность, приличия, практические правила целесообразности для поведения людей. Их роль заключается в *устранении противоречий социальной жизни путем ограничения тех или иных функций*, которые без этих ограничений дисгармонически сталкивались бы между собою. Чтобы убедиться, что именно таково значение этих социальных норм, достаточно представить их себе ясно *в действии*. Жизненная нераздельность координации представлений и координации действий здесь вступает особенно ярко» [2, с. 268–269].

Показательно, что ни в одной группе «форм» Богданов не обозначил места для особой фигуры постоянно действующего организатора, да еще наделенного абсолютной властью над всеми сторонами жизни коллектива. *Такую фигуру в процесс социальной организации опыта вводят от имени Богданова И. М. Вельм и В. В. Алексеев, фактически приписывающие ученому свои собственные авторитарные представления о внеисторическом характере взаимодействия личности и общества («героя» и «толпы», «организатора» и «исполнителей»)*.

Естественно, что подобная методология исследования создает многочисленные нестыковки между позицией авторов и фактами исторической действительности. Например, критикуя на страницах своей книги богдановскую концепцию относительной истины (истины конкретно-исторической, порождаемой и подтверждаемой социальной практикой [2, с. 217–220; 9, с. 25–26; 7, с. 145–158]), авторы «Сталинизма» заявляют: «А. А. Богданов принципиально не признает марксистское материалистическое положение о природе, существующей независимо от человека и о существовании объективной истины как истины, не зависящей от человека» [1, с. 55]. Проблема здесь не в том, что Вельм и Алексеев некритически воспроизводят соответствующие тезисы В. И. Ленина, Г. В. Плеханова и Л. И. Аксельрод по поводу богдановского «Эмпириомонизма» (с которым эти почтенные социал-демократы ознакомились крайне торопливо и поверхностно), и даже не в том, что истина как логи-

ческая и гносеологическая категория не обладает атрибутами субстанции и уже в силу этого не может существовать абсолютно отдельно и независимо от осознающих ее субъектов (подобно тому как единица измерения сама по себе не существует без измеряемых ею величин и субъектов-людей, способных произвести такое измерение) [10] – проблема здесь в том, что, нападая на Богданова, Вельм и Алексеев попутно наносят удар по... Марксу, чьи взгляды на объективную истину в действительности были более близки к воззрениям Богданова, чем к представлениям философов «плехановской школы». Карл Маркс в «Капитале», давая, например, определение категорий буржуазной политической экономии, характеризовал их следующим образом: «Это – общественно значимые, следовательно, объективные мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного общественного способа производства – товарного производства. Поэтому весь мистицизм товарного мира, все чудеса и привидения, окутывающие туманом продукты труда при господстве товарного производства, – все это немедленно исчезает, как только мы переходим к другим формам производства» [11, с. 86]. Ни о каком существовании категорий политической экономии независимо от товарного капиталистического производства, рыночного распределения и, стало быть, от всех людей, вовлеченных в эту систему социального взаимодействия, в «Капитале» нет и речи; следовательно, по логике Вельма и Алексеева, *Маркс тоже «принципиально не признает марксистское материалистическое положение о существовании объективной истины как истины, не зависящей от человека»* и «подменяет марксистские методы субъективным идеализмом» в форме... чего-нибудь экзотического, поскольку книга Эрнста Маха «Анализ ощущений» была издана лишь через 20 лет после выхода из печати первого тома «Капитала». Однако теорию Маркса Вельм и Алексеев почему-то рассматривают как положительную альтернативу «концепции СОО» и порожденному ею сталинизму – впрочем, лишь на уровне деклараций, без какого-либо сопоставления марксизма с данными мировоззренческими системами, т. е. *без доказательств* [1, с. 129–130].

Эта философская путаница выглядела бы недоумением, порожденным торопливостью в работе с источниками и литературой, если бы не сделанные авторами мировоззренческие выводы из нее: «*В концепции СОО первым неизбежным последствием является так называемый „феномен иллюзорного сознания“* (т. е. иллюзия, максимально аутентичная с достоверностью) социалистического (коммунистического) толка. А. А. Богдановым всецело владела мысль о создании некой уни-

версальной модели функционирования человеческого общества. И он создал такую модель – концепцию СОО. Все бы ничего, но принципы, на которых зиждилась эта концепция, обернули ее, независимо от воли и желаний самого А. А. Богданова, представлением об общественном сознании как о тотальной социальной галлюцинации, как о тотальном иллюзорном сознании. Интерпретация общественного развития А. А. Богдановым с позиций СОО – это не просто субъективный идеализм, но *социо-субъективный идеализм*, не просто солипсизм, но *со(цио)липсизм*. Развитие общества выстраивается как последовательная смена одного массового феномена иллюзорного сознания другим. Процесс достигает пика в созидании социалистического (коммунистического) общества. И в этом обществе, построенном сознательно по модели СОО, феномен иллюзорного сознания обретает завершенность, наглядность, зримость. По понятиям выходит социализм, а в реальности – рабство. Но сила понятий (СОО, общезначимого) такова, что рабы, вопреки массе противоречий, убеждены: построенное общество является реально социалистическим. Проще говоря, для советского общественного сознания 1930-х гг. сталинский социализм существовал так же объективно, как геоцентрическая система Птолемея в свое время, как леший и дьявол в свое время, как товарный фетишизм в свое время» [1, с. 114–115].

В этом пассаже, кошмарном с точки зрения философии, наиболее страшно выглядит не сведение воедино всех рассмотренных выше «домысливаний» Вельма и Алексеева о Богданове и его взглядах – в конце концов, элементарная сверка их высказываний с первоисточниками позволяет легко обнаружить ошибки и искажения в интерпретации богдановских текстов. То же можно сказать и об использовании неуклюжих и бессмысленных варваризмов (тот же «социо-субъективный идеализм»), если рассматривать данный термин с содержательной точки зрения, считает первичной субстанцией мироздания некое *общественно-индивидуальное сознание* и в силу этого представляет собой внутренне противоречивое суждение вроде «заледевшего огня» – парадоксальное по звучанию, довольно эффектное с художественной точки зрения, но совершенно бесполезное в плане практического познания действительности) – в конце концов, свободный полет творческой фантазии принципиально отвергает любые ограничения.

Настоящие опасения за авторов вызывает то, что в полемическом азарте обличения жестокой и бесчеловечной «концепции СОО» они готовы отрицать объективное существование в истории человечества и, соответственно, в общественном сознании определенных эпох такой научной кон-

цепции, как геоцентрическая система Птолемея (то, что на существование этой астрономической теории «в свое время» указывают тысячи исторических источников Античности и Средневековья, попросту проигнорировано авторами «Сталинизма» – как и тот факт, что именно в рамках теории Птолемея был накоплен огромный эмпирический материал, рациональная организация которого привела к открытию Коперника и формированию современной научной астрономии). По этому же алгоритму Вельм и Алексеев отказывают в объективном существовании духовной культуре целых европейских народов, в фольклоре которых фигурируют персонажи наподобие лешего или дьявола (и это при условии, что подобные мифологические представления в свое время вдохновили десятки тысяч настоящих мастеров на создание выразительных художественных образов, доступных для изучения вплоть до нашего времени, – хотя бы в рамках вузовских курсов этнографии и истории культуры). Что касается объективного существования товарного фетишизма, то здесь авторы «Сталинизма» явно готовы спорить и с Карлом Марксом, «в свое время» детально проанализировавшим в «Капитале» данную особенность буржуазного мировоззрения, причины ее возникновения, особенности проявлений, характер влияния на жизнь общества, – ибо, по логике рассуждений Вельма и Алексеева, Маркс в данном случае впал в «социопсизм» (или что-то столь же нехорошее) и затратил массу времени и усилий на изучение обыкновенной иллюзии, пусть и «максимально аутентичной с достоверностью». Желание авторов любой ценой доказать свою точку зрения вполне понятно, но нельзя же, в конце концов, ради этого отрицать многократно подтвержденные и – в силу этого – общеизвестные исторические факты!

Предвзятое отношение авторов «Сталинизма» к Богданову, однако, не исчерпывается сугубо философской проблематикой. Так, излагая биографию ученого, И. М. Вельм и В. В. Алексеев иногда опускаются до бездоказательных оценочных суждений, более подобающих в межличностном конфликте, чем в историческом исследовании: «А. А. Богданов искренне считал себя не только теоретиком, но и практиком организации. В действительности организатором он был никудышным. И это наглядно видно из его биографии. Все его самостоятельные начинания заканчивались бесславно» [1, с. 36]. Данное суждение (к тому же не подкрепленное ссылкой на какой-либо источник) противоречит историческим фактам, зафиксированным не только в архивных документах, но и в ряде опубликованных научных работ по исторической проблематике:

1. А. А. Богданов сумел фактически «с нуля» сформировать из разрозненных рабочих кружков мощную Тульскую социал-демократическую организацию, эффективно работавшую в, мягко говоря, непростых условиях Российской империи [12–14]; уже то, что «никудашный организатор» сплотил вокруг себя несколько сотен рабочих и более четырех лет успешно вел агитационно-пропагандистскую и просветительскую работу, планировал и организовывал стачечное движение в не самых комфортных условиях, не вписывается в рассуждения Вельма и Алексеева.

2. А. А. Богданов был одним из наиболее активных сотрудников Ленина в России во время подготовки к созыву III съезда РСДРП [15–17]; тот факт, что Ленин в итоге добился реализации своих замыслов с помощью и при самом деятельном участии Богданова, заставляет предположить, что Вельм и Алексеев, мягко говоря, необъективны в своей оценке организаторских способностей Богданова.

3. А. А. Богданов создал «с нуля» и сугубо по собственной инициативе первый в мире Институт переливания крови, который существует и успешно функционирует до сих пор [12, 18], а вовсе не «закончился бесславно».

4. В течение всей своей жизни А. А. Богданов успешно совмещал профессиональную работу врача (которая приносила ему средства к существованию), политического деятеля (причем в основном на нелегальном положении, когда малейшая неорганизованность могла обернуться утратой как минимум свободы), ученого-просветителя и системного аналитика (одних только монографий и учебников Богданов успел издать за свою жизнь более 30, и это без учета переизданий; кроме этого, были еще статьи, политические воззвания и художественные произведения) [12, 14, 19].

Однако исторические факты (причем не только приведенные выше), судя по всему, ничего не значат для авторов «Сталинизма» – на протяжении всей монографии они спокойно игнорируются или перетолковываются крайне произвольным образом: так, Вельм и Алексеев утверждают, что инициатива создания Института переливания крови принадлежала вовсе не Богданову, а Сталину [1, с. 85], и многочисленные богдановские публикации и архивные документы о методике обменных переливаний крови и «физиологическом коллективизме», написанные до октября 1917 года [5, с. 158–159], попросту перечеркиваются методом «домысливания».

К этой же методологии, безусловно, следует отнести и неуклюжую попытку выставить Богданова автором концепции «психиатрического террора», согласно которой политическое инакомыслие рассматривается всего лишь как форма умственного

расстройства и подлежит принудительному лечению с обязательной изоляцией «больного» от общества. Рассуждая об утопическом романе Александра Александровича «Красная звезда», авторы «Сталинизма» отмечают: «Если опыт человека не совпадает с СОО – значит, опыт этого человека – иллюзия (галлюцинация), и в марсианском коммунистическом обществе для таких людей существуют специальные больницы (см. диалог между Леонидом Н. и Нэтти о принципах лечения таких больных («Красная звезда»))» [1, с. 105]. Вельма и Алексеева не смущает, что в указанном отрывке о политическом инакомыслии речи нет совсем, и герои беседуют совершенно о другом:

«– А здесь есть душевнобольные с затемненным или спутанным сознанием?»

– Нет, таких здесь нет, для них есть отдельные лечебницы. Там нужны особые приспособления для тех случаев, когда больной может причинить вред себе или другим.

– В таких случаях у вас прибегают к насилию над больными?

– Настолько, насколько это, безусловно, необходимо, разумеется.

– Вот уже второй раз я встречаюсь с насилием в вашем мире. Первый раз это было в доме детей (воспитательница один раз ударила ребенка, покалечившего маленькое животное, чтобы дать воспитаннику на собственном опыте почувствовать, что он причинил зверю боль. – Ю. К., А. Л.). Скажите: вам, значит, не удастся вполне устранить эти элементы из вашей жизни, вы принуждены их сознательно допускать?

– Да, как мы допускаем болезнь и смерть или, пожалуй, как горькое лекарство. Какое же разумное существо откажется от насилия, например, для самозащиты?

– Знаете, для меня это значительно уменьшает пропасть между нашими мирами.

– Но ведь их главное различие вовсе не в том заключается, что у вас много насилия и принуждения, а у нас мало. Главное различие в том, что у вас то и другое облекается в законы, внешние и внутренние, в нормы права и нравственности, которые господствуют над людьми и постоянно тяготеют над ними. У нас же насилие существует либо как проявление болезни, либо как разумный поступок разумного существа. И в том и в другом случае ни из него, ни для него не создается никаких общественных законов и норм, никаких личных или безличных повелений.

– Но установлены же у вас правила, по которым вы ограничиваете свободу ваших душевнобольных или ваших детей?

– Да, чисто научные правила ухода за больными и педагогики. Но, конечно, и в этих техниче-

ских правилах вовсе не предусматриваются ни все случаи необходимости насилия, ни все способы его применения, ни его степень – все это зависит от совокупности действительных условий.

– Но если так, то здесь возможен настоящий произвол со стороны воспитателей или тех, кто ухаживает за больными?

– Что значит это слово – «произвол»? Если оно означает излишнее, ненужное насилие, то оно возможно только со стороны больного человека, который сам подлежит лечению. А разумный и сознательный человек, конечно, не способен на такое» [5, с. 156].

Поистине, нужно обладать безграничной фантазией, чтобы увидеть в этом диалоге методику помещения инакомыслящих в психиатрические клиники вместо тюрем.

Впрочем, Вельм и Алексеев идут еще дальше, заявляя, например, следующее: «Политику рабочего класса относительно крестьянства и непролетарской „старой“ интеллигенции А. А. Богданов излагал в программных документах группы «Вперед». Наиболее четко, внятно, последовательно эти мысли изложены в статье „Пролетариат в борьбе за социализм“ (1910). Именно здесь был теоретически обоснован геноцид русского крестьянства и непролетарской интеллигенции как необходимость для реализации социалистических идей в России» [1, с. 45]. Проблема в том, что на восьми страницах этой богдановской статьи *о геноциде* (т. е. организованном уничтожении) *кого бы то ни было* нет ни слова, а есть только анализ социальной и политической ситуации в ходе революции 1905–1907 гг. и прогноз развития событий на ближайшее будущее, начиная с 1910 г. При этом оценки Богдановым непролетарских социальных групп выглядят следующим образом: «В настоящее время уже начинает намечаться новое оживление политической активности в народных низах: снова усиливается тяготение рабочих к социал-демократии, а в крестьянстве учащаются аграрные волнения. Понемногу поднимает голову и либеральная буржуазия. По мере того как общественный подъем будет развиваться, и она, по всей вероятности, будет резче выступать – в мирных, разумеется, формах – против старого порядка, причем вновь будет пытаться навязать свое руководство народному движению. Это ей, конечно, не удастся. А когда затем, при первом удобном или даже неудобном случае она изменит демократии, повернется против народа, то для рабочего класса в этом не будет ничего неожиданного, он сумеет заранее подготовиться к этому неизбежному факту и заранее сумеет твердо отделить свое дело от политики либеральной буржуазии.

Иначе отнесется наш пролетариат к движению крестьянства, для которого революция – дело необходимости, для которого „земля и воля“ – вопрос жизни и смерти. Опыт показал рабочим, что одними своими силами, без поддержки крестьян, они пока еще не могли бы справиться со старым порядком; для верной победы требуется, чтобы поддержка эта была широкой и организованной. <...> Среди сельскохозяйственных рабочих должна вестись социалистическая пропаганда как можно шире, и на дело их организации должны быть употреблены особенные усилия. Тесно примкнувши к общеклассовой борьбе пролетариата, сельские рабочие, кроме того, будут систематически воздействовать на остальную деревенскую бедноту – на полуразоренное, задавленное налогами мелкое крестьянство, которое в силу своих интересов должно со всей энергией вступить в революционную борьбу за землю и демократическое правление. Эта часть крестьянства будет временным, но важным по своей численности союзником для рабочего класса. Что же касается крестьянства зажиточного, которому покровительствует нынешняя аграрная политика (стольпинская. – Ю. К., А. Л.), то о нем заботиться нечего, большая часть его станет, конечно, на сторону реакции.

С усилением общественного подъема демократическая интеллигенция, надо полагать, вновь начнет приливать к рабочим организациям, партийным и профессиональным; есть известия от работающих на местах товарищей, что уже наблюдаются признаки такого поворота. Наш пролетариат воспользуется этой помощью, но теперь несколько иначе, чем было раньше. Он уже не допустит, чтобы эти в большинстве своем малонадежные, далеко не вполне социалистические элементы играли столь важную роль в рабочих организациях. Недаром за все время реакции он усиленно вырабатывал свою собственную, чисто пролетарскую интеллигенцию. <...> Эта новая интеллигенция сумеет с достоинством и успехом вести ответственную работу в организациях и своим воздействием улучшить работу старой партийной интеллигенции, прекратить ее мелкие раздоры и расколы, и будет воспитывать также вновь приливающие к партии интеллигентские и иные непролетарские элементы. Она сделает социал-демократию рабочей классовой организацией в более полном и точном смысле этого слова, чем когда-либо до сих пор» [20, с. 89–90].

Чтобы увидеть в этом сугубо прагматическом анализе перспектив рабочего движения и взаимодействия пролетариата с другими социальными группами в конкретно-исторических условиях 1910 г. программу направленного уничтожения каких-либо общественных классов по политическим

мотивам, нужно опять-таки задействовать незаурядную фантазию. Впрочем, в данном конкретном случае Вельм и Алексеев отошли от привычного метода «домысливания» – они прямо отмечают, откуда взяли представления о связи идей Богданова с политическими репрессиями сталинской эпохи: «...Известный израильский славист М. Вайскопф в монографии „Писатель Сталин“ с полным сочувствием цитирует работу М. Agursky „The Third Rome“: „Это не Троцкий и не Григорий Зиновьев впервые выдвинули идею геноцида русского крестьянства [осуществленную] в период коллективизации 1928–1933 гг., а Богданов, Луначарский, Горький и другие, причем [бывший „впередовец“] Менжинский как глава тайной полиции позаботился о ее практическом проведении“» [1, с. 25]. Таким образом, в данном эпизоде авторы «Сталинизма» предлагают читателям собственные размышления по поводу пересказа интерпретации богдановской статьи вместо того, чтобы обратиться напрямую к первоисточнику. Применение этого в высшей степени странного методологического приема в отношении работы, опубликованной в открытой печати 20 лет назад, явно неудачно.

Далее Вельм и Алексеев воспроизводят в тексте своей работы весьма распространенное в течение всего XX в. заблуждение о том, что «идеология „военного коммунизма“ была порождена Октябрьской революцией, они совпали в четко очерченном историческом пространстве и времени, стали неотъемлемой частью гражданской войны» [1, с. 73]. Проблема здесь в том, что авторы «Сталинизма» опять-таки крайне невнимательно отнеслись к статье Богданова «Военный коммунизм и государственный капитализм» (1918), где прямо указывается и подлинная причина возникновения «военного коммунизма», и его движущие силы, и формы функционирования, и условия преодоления. Нас в данном случае интересует именно причина формирования данной системы. По Богданову, это не русская революция 1917 г., а несколько иные факторы. Самый главный из них – это сама специфика армейской организации: «Армия вообще, и в мирное, и в военное время, представляет обширную потребительскую коммуну строения строго авторитарного. Массы людей живут на содержании у государства, планомерно распределяя в своей среде доставляемые из производственного аппарата продукты и довольно равномерно их потребляя, не будучи, однако, участниками производства. Коммунизм этот простирается, главным образом, на низы армии, на собственно „солдат“, которые живут в общих казармах, получают общий стол, казенную одежду и снаряжение. Несколько процентов ее состава – иерархические верхи, офицерство – более или менее изъятые из коммунизма, но и те не

вполне: часто они могут получать солдатский паек, обмундирование, большей частью – казенное вооружение» [5, с. 335]. Как видно из богдановского текста (и, кстати, как известно из истории), подобная организация армии объективно существовала очень и очень задолго до 1917 года, а вовсе не была придумана и директивно внедрена большевиками сразу после захвата власти.

Да и на развитие «военного коммунизма» основное влияние оказала, по Богданову, вовсе не Октябрьская революция, а несколько более раннее и более глобальное событие – Первая мировая война: «Потребительный коммунизм армии проводится на войне по необходимости глубже и последовательнее, чем в мирных условиях. На фронте почти все прежние изъятия из него исчезают; в тыловых частях он тоже уменьшается, и даже в офицерском хозяйстве роль государственного снабжения возрастает. Но гораздо важнее новый процесс, развивающийся под действием войны: постепенное распространение потребительного коммунизма с армии на остальное общество. Первый этап в этом направлении – пособия семьям призванных. Денежная обычно форма пайка солдатских жен и детей не меняет смысла того основного факта, что на содержании у государства, если не вполне, то в значительной мере, оказываются еще многие миллионы людей, совершенно независимо от какой-либо их собственной функции в производстве, не по принципу найма, а по принципу права на удовлетворение потребностей. Это – прямое продолжение солдатской коммуны в стране. Затем разрушительный для общественного хозяйства ход войны приносит потребительному коммунизму новые завоевания. Начинается общий недостаток в продуктах. Система их частного присвоения, с ее специфической неравномерностью в распределении, резко обостряет этот недостаток. Вводится карточное регулирование. Потребляемый продукт уже не является в полной мере индивидуальной и меновой собственностью» [5, с. 336] – все манипуляции с ним контролируются государством. Если обратиться к историческим фактам, то первый из описанных Богдановым шагов к установлению «военного коммунизма» в России был сделан с началом войны царским правительством, когда лидеры большевиков находились в основном за границей и не имели объективной возможности влиять на государственную политику; большевики после захвата власти в 1917 г. лишь довели дело до логического завершения, когда внедрили карточную систему, взяв за основу опыт других воюющих стран Европы, где аналогичные «военно-коммунистические» меры были приняты уже к 1915 г. Примечательно, что статья «Военный коммунизм и государственный капита-

лизм» входит в сборник богдановских работ «Вопросы социализма», который включен Вельмом и Алексеевым в список источников и литературы к «Сталинизму», но, видимо, изучен авторами невнимательно – впрочем, как и многие другие книги из этого списка.

Наконец, Вельм и Алексеев дают более чем странную характеристику показаний Богданова в связи с его арестом по делу «Рабочей Правды» в 1923 г.: авторы «Сталинизма» оценивают эти документы как «настоящую инструкцию по научно обоснованной <...> замене ленинских взглядов «богдановщиной» [1, с. 78]. В подтверждение этого приводится вырванная из контекста богдановская фраза (именно ее в процитированном отрывке мы, вслед за исследователями, выделяем курсивом. – Ю. К., А. Л.): «Никакой исследователь не ответственен за те выводы, которые кем-либо другим будут сделаны из его анализов – раз он сам этих выводов не делал. <...> Дело в том, что политические выводы сами по себе из теоретических изложений и анализов вовсе не „следуют“, логически из них не выводятся, это не научная, антимарксистская точка зрения. *Политические выводы делаются людьми из окружающей действительности, воспринятой через призму классового мышления и классовых интересов, а затем еще через призму группового и даже личного политического темперамента. Теории, анализы служат лишь средством оформления и закрепления этих выводов и, конечно, по мере надобности приспособляются к ним, а то и насилуются для них*» [21, с. 47–48].

И вот этой вырванной из контекста цитатой (выделенной в вышележащем фрагменте курсивом) Вельм и Алексеев аргументируют такие собственные суждения:

а) «любая идеология, независимо от воли ее автора, может быть повернута и вправо и влево и куда угодно» [1, с. 78];

б) «А. А. Богданов признает, что из его идей логически вытекают выводы, которых он сам не делал и о которых даже не подозревал» [1, с. 78].

Естественно, исследователей нисколько не смущает, что данные суждения **явно и недвусмысленно** противоречат не только самой первой фразе Богданова («Никакой исследователь не ответственен за те выводы, которые кем-либо другим будут сделаны из его анализов – раз он сам этих выводов не делал»), но даже элементарным нормам морали, права и справедливости (а именно: *каждый отвечает лишь за то, что сделал, и никто не может быть обвинен без надлежащих доказательств*).

Если же отойти от эмоционально-оценочных суждений и взглянуть на монографию И. М. Вельма и В. В. Алексеева с позиций сухой статистики,

то картина выглядит так: при рассмотрении «концепции СОО» на восьмидесяти с небольшим страницах монографии (остальные 140 не имеют отношения к А. А. Богданову и содержат характеристики сталинизма, концепций Г. Лукача и Г. Дебора, анализ работ удмуртского поэта и публициста Ф. Пукрокова, набросок сценария В. Смаги, историю «американской фашиствующей демократии» Хьюи Лонга и рассуждения В. В. Алексеева «Как устроена природа») приведено 80 ссылок и цитат, прямо связанных со взглядами и текстами Богданова. Из них 16 ссылок в действительности указывают на работы не Богданова, а других авторов (особенно показательным в этом отношении включение в число научных источников о Богданове... студенческой дипломной работы 1997 года защиты [1, с. 243, п. 39]). Далее еще 20 из 80 ссылок является попросту некорректными, поскольку указывают на богдановские тексты, не подтверждающие высказанную позицию авторов «Сталинизма» и даже нередко противоречащие ей, т. е. в общей сложности 45 % ссылок, *используемых Вельмом и Алексеевым при описании и анализе «концепции СОО», не соответствуют принятым в исторической науке критериям достоверности*. Тенденция к предвзятому освещению богдановских взглядов вопреки историческим фактам налицо. Желание дурно отозваться об А. А. Богданове – «разработчике авторитарно-тоталитарного и репрессивного направлений в социальной политике» [1, с. 27] – оказалось сильнее декларируемой исследователями «методологии отбора фактов» [1, с. 15].

В результате проведенного критического разбора становится ясно, что изложенная авторами «Сталинизма» *«богдановская концепция СОО» в действительности не имеет никакого отношения к А. А. Богданову и представляет собой продукт творческой фантазии И. М. Вельма и В. В. Алексеева*, предложивших под видом научного исследования по отечественной истории оригинальную художественную интерпретацию происхождения теории и практики сталинизма.

Если смотреть на книгу Вельма и Алексеева «Сталинизм» именно как на художественное произведение, то все рассмотренные выше методологические недочеты, философские несообразности и крайне вольное обращение с историческими источниками превращаются в *эффективные выразительные средства*.

Во-первых, при таком подходе Богданов предстает уже не как поверхностно и в высшей степени предвзято критикуемый ученый и политик, а как своеобразный «темный герой» с откровенно сверхчеловеческими атрибутами, фактически в одиночку создавший идеологию и систему управления для целой страны, которая после этого добилась

статуса глобальной сверхдержавы XX в. В результате «темный герой» фактически затмевает собой даже такую знаковую фигуру, как сам И. В. Сталин (ведь по-другому интерпретировать созданный Вельмом и Алексеевым образ Богданова просто не получается даже с учетом многократных и очень настойчивых попыток авторов продемонстрировать «ущербность» Богданова как ученого и как личности). Подобный мрачный и притягательный образ главного героя не единожды использовался в художественной литературе, начиная от романтических поэм Байрона и Лермонтова и заканчивая «Графом Монте-Кристо» Александра Дюма и «Дракулой» Брэма Стокера.

Во-вторых, становится композиционно обоснованной та мозаика изолированных фактов, которой Вельм и Алексеев заполняют пробелы между «домысленными» характеристиками «концепции СОО» и социально-исторической реальностью. Если с сугубо научной точки зрения связь, например, воззрений Богданова с «утопическим социализмом А. де Сен-Симона, О. Конта, Г. Спенсера» [1, с. 37], «заложеной в менталитете русского народа идеей коллективизма (соборности), воспринятой через славянофилов и народников» [1, с. 39], концепцией В. С. Соловьева и «рядом идей Ф. Ницше, прежде всего идеей о сверхчеловеке» [1, с. 39] еще нуждается в строгих доказательствах на основе как минимум сопоставления текстов указанных авторов (да и по фактам биографии Богданова тоже было бы не лишним проверить, с какими именно философскими доктринами он был действительно знаком и каким из них отдавал предпочтение), то *в художественном произведении достаточно объединить все эти идеи в ассоциативный ряд по сходству внешних признаков, причем последние даже не обязательно делить на существенные и несущественные.*

Естественно, что таких ассоциативных рядов Вельм и Алексеев выстраивают несколько, группируя, например, утопические романы Богданова «Красная звезда» и «Инженер Мэнни» с агитационным сборником «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» (основанием для формирования ряда служит, естественно, строительство гигантских гидротехнических сооружений, а также присутствие «богдановца» М. Горького в коллективе авторов «Беломорско-Балтийского канала»), или теории Г. Лукача и Г. Дебора с «концепцией СОО» (основание – общая для всех этих доктрин проблематика взаимодействия социального бытия и социального сознания в индустриально-капиталистическом «обществе потребления»), или собственную критику «концепции СОО» с публицистикой Ф. Пукрокова и авангардным сценарием В. Смаги «Династия Гондыров» (основание – фигурирую-

щая во всех трех текстах советская и постсоветская символика идеологических, литературных и даже аудиовизуальных образов). Так получается композиционно сложный текст с несколькими смысловыми пластами, ориентированный на активное взаимодействие между автором и читателем (творческий прием, характерный для постмодернистской литературы, – достаточно вспомнить, например, прозу М. Павича).

Если в научном исследовании подобная группировка материала однозначно оценивается как недостаточно логичная и доказательная (последовательное перечисление определенных фактов само по себе никак не подтверждает их взаимосвязи), то *в художественном произведении такие ассоциативные ряды с исключительной силой воздействуют на воображение и эмоции читателя, многократно усиливая эффект от восприятия авторской идеи* (хрестоматийные примеры – цикл снов Веры Павловны в «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и поистине гипнотические описания подводного мира в «20 тысяч лье под водой» Ж. Верна).

В-третьих, краткое, но в высшей степени драматическое описание «великого перелома» прямо адресует нас к таким жемчужинам конспирологической фантастики, как «Код да Винчи» Дэна Брауна: «Как рекомендовал сам А. А. Богданов, его следует травить, чтобы никто и подумать не мог, насколько его идеи используются травящим. Резко усиливается и теоретическая, и практическая – с оргвыводами по отношению к их носителям – критика богдановских концепций как совершенно враждебных ленинским. В самом начале реализации этой политики, во время проведения объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б), посвященного итогам хлебозаготовительной кампании 1927/28 гг., трагически умирает А. А. Богданов. Странно, но почему-то все «лучшие богдановцы», кроме Н. И. Бухарина, умирают «накануне». М. Н. Покровский накануне «коренных» изменений в советской исторической науке, А. В. Луначарский накануне утверждения социалистического реализма на съезде писателей, В. Р. Менжинский, а затем М. Горький накануне массовых репрессий против «старой» большевистской гвардии» [1, с. 87]. И для художественного произведения совершенно неважно, что в исторической реальности «лучшие богдановцы» вовсе не были законспирированной сектой фанатиков, в буквальном смысле приносивших свои жизни в жертву «концепции СОО» (или, паче того, стремившихся «вовремя уйти», чтобы освободить место для единственного и всемогущего «Организатора-Вождя»), а были немолодыми людьми с изрядно подорванным чудовишной бедностью, а также царскими ссылками

и тюрьмами здоровьем: развернутый отчет о смерти А. А. Богданова вследствие несовместимости его и донорской крови по еще не открытому в 1928 г. резус-фактору уже давно доступен и в открытой печати, и на официальном сайте Международного института А. А. Богданова [22]; что касается его товарищей и единомышленников, то М. Н. Покровский умер от рака, у А. В. Луначарского был целый букет нервных болезней и гипертония, завершившаяся инсультом, у В. Р. Менжинского – прогрессирующая дистрофия миокарда, у М. Горького – абсолютно неизлечимый по тем временам туберкулез, да еще в последней стадии, когда начинают разрушаться легкие. Однако художественный вымысел расцветывает эти скучные реальные факты совершенно фантастическими красками, придавая обыкновенному совпадению событий черты мистического заговора.

В-четвертых, включение никак не связанных ни с Богдановым, ни со сталинизмом, ни с социальной философией, ни даже с естествознанием текстов вроде «Династии Гондыров» В. Смаги или эффектного стихотворения в прозе «Как устроена природа» В. В. Алексеева оживляет восприятие авторских мыслей. Особенно выразительны в этом плане слова В. В. Алексеева («Как устроена природа»): «Суть природы – все повторяется неповторимо,

а не развитие, не прогресс, не совершенствование. Природа есть творчество, принцип существования природы есть принцип творчества. Творчество есть не только отсутствие нравственности, разумности, сознания, но и смысла как такового, смысла в абсолютном, универсальном понимании» [1, с. 238].

Перечисление специфических литературных достоинств «Сталинизма» можно продолжать и далее, но если авторы все-таки считают свою книгу не художественным произведением, а научным исследованием, то в качестве рекомендаций по исправлению обнаруженных методологических недоработок можно предложить хорошие советы от... А. А. Богданова:

«1) «невежество не аргумент»: чтобы рассуждать о философии, надо быть знакомым с наукою. Следует учиться;

2) то, что критикуешь, надо прочитать; иначе критика не достигнет цели;

3) не следует искажать слов и мыслей противника, хотя бы это чрезвычайно облегчало задачу его опровергнуть; ибо такое искажение будет обнаружено, когда противник этого пожелает и найдет для этого время» [2, с. 240].

Добавим: даже если «противник» уже давно умер, это вовсе не значит, что искажения его слов и мыслей не смогут обнаружить другие люди.

Список литературы

1. Вельм И. М., Алексеев В. В. Сталинизм. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. 273 с.
2. Богданов А. А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. М.: Республика, 2003. 400 с.
3. Богданов А. А. Философия живого опыта. Популярная очерки. СПб.: Издание М. И. Семенова, 272 с.
4. Богданов А. А. Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник. 1904–1914 // Неизвестный Богданов. В 3 кн. Кн. 3. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995. 243 с.
5. Богданов А. А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. 479 с.
6. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 304 с.
7. Богданов А. А. Падение великого фетишизма. Вера и наука. М.: КРАСАНД, 2010. 224 с.
8. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В. И. Сочинения. 5-е изд. Т. 18. М.: Политиздат, 1968. С. 7–384.
9. Богданов А. А. Приключения одной философской школы: полемические заметки о Г. В. Плеханове и его школе. М.: Издательский дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 74 с.
10. Менский М. Б. Квантовая механика, сознание и мост между двумя культурами // Вопросы философии. М., 2004. № 6. С. 64–74.
11. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 5–784.
12. Белова А. А. Александр Александрович Богданов. М.: Медицина, 1974. 60 с.
13. Очерки истории Тульской областной организации КПСС. В 2 кн. Кн. 1. 1883–1937. Тула: Приокское книжное издательство, 1983. 342 с.
14. Луценко А. В. А. А. Богданов – теоретик и практик РСДРП. Северск: Издательство СГТИ, 2003. 184 с.
15. Письма В. И. Ленина А. А. Богданову о подготовке съезда опубликованы в: Ленин В. И. Сочинения. 5-е изд. Т. 46. С. 396–397, 404–406, 414–415; Т. 47. С. 5–9, 153.
16. Выступления А. А. Богданова на III съезде РСДРП опубликованы в: Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. Третий съезд РСДРП (апрель-май 1905 г.). Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. С. 11–15, 72–79, 106–114, 253–255, 267–269.
17. Wolf B. D. Three who made a Revolution. Boston: Random House, 1960. 385 p.
18. Международный институт А. А. Богданова. Официальный сайт. URL: <http://www.bogdinst.ru/bogdanov/index.htm> (дата обращения: 28.06.2015).

19. Библиография произведений А. А. Богданова // Международный институт А. А. Богданова. Официальный сайт. URL: <http://www.bogdinst.ru/bogdanov/bibliogr.htm> (дата обращения: 28.06.2015).
20. Богданов А. А. Пролетариат в борьбе за социализм // Неизвестный Богданов. В 3 кн. Кн. 2. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995. С. 83–91.
21. Документы из дела арестованного А. А. Богданова (Малиновского) // Неизв. Богданов. В 3 кн. Кн.1. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995. С. 45–57.
22. Материалы к биографии А. А. Богданова (1922–1928 гг.) // Вестн. Междунар. ин-та А. Богданова № 7 (октябрь, 2001). URL: <http://www.bogdinst.ru/vestnik/v07.htm> (дата обращения: 28.06.2015).

Куперт Ю. В., доктор исторических наук, профессор.

Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 34, Томск, Россия, 634050.

E-mail: Koupert@rambler.ru

Луценко А. В., кандидат исторических наук, доцент.

Северский технологический институт – филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ».

Пр. Коммунистический, 65, Северск, Томская область, Россия, 636036.

E-mail: fantom9@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 26.01.2015.

Yu. V. Kupert, A. V. Lutsenko

ABOUT NECESSITY OF KNOWLEDGE (CRITICAL NOTES ABOUT “STALINISM” BY I.M.VELM AND V.V.ALEKSEEV)

This article contains critical analysis of Alexander Bogdanov's scientific theories' and political positions' interpretation formulated by I. M. Velm and V. V. Alekseev in historical monography called “Stalinism”. Methodological and source-studying aspects of Velm's and Alekseev's views are considered in a context of world and Russian political mind of XXth century. Yu. V. Kupert and A. V. Lutsenko made analysis of extremely versatile proofs' base which offered by I. M. Velm and V. V. Alekseev for acknowledgement of their research basic hypothesis about genetic relations between “social-organized experience (SOE) concept” with Alexander Bogdanov's scientific and political views, on the one hand, and social and political practice of Stalin's Soviet Union, on the other hand.

I. M. Velm and V. V. Alekseev are thinking that the “SOE concept” is concentrating Bogdanov's political philosophy and practice. This concept is based on the idea of allocation the special figure of personal organizer from the society. Organizer concentrates in his hands the power over all parties and branches of social life, including ideology. Velm and Alekseev are writing that organizer's role in Soviet history was taken by Stalin whose political practice is presented in critically-publicistic style. The given feature of the sights statement of I. M. Velm and V. V. Alekseev is estimated by Yu. V. Kupert and A. V. Lutsenko from the scientific research methodology point of view and also from the source study analysis quality point of view.

For this reason the special attention in the article is directed at the specific “additional sense method” used by I. M. Velm and V. V. Alekseev for original interpretation of Bogdanov's views. Russian Marxist scientist and revolutionary is shown by Velm and Alekseev as “dark hero” who made for Stalin the totalitarian ideology on “SOE concept” base and who worked very hard for introducing this ideology into Soviet society life. For acknowledgement of this thesis I. M. Velm and V. V. Alekseev are broadly interpreting the involved materials (Bogdanov's texts, their critical analysis in works of V. I. Lenin and other contemporaries of the scientist), and they put in these used works their own sense which not always coincides with a position of primary sources authors. All materials of “Stalinism” are grouping not on their genetic relation, but on the basis of the emotionally-shaped associations, and it is methodologically doubtful as attribute of belletristic literature, not of scientific research.

Yu. V. Kupert and A. V. Lutsenko proved insufficient argumentation to position of I. M. Velm and V. V. Alekseev concerning communication between “SOE concept” and Bogdanov's scientific views.

Key words: *Alexander Bogdanov, tectology, Marxism, Stalinism, empiriomonism, Machism, ideology, social organization.*

References

1. Velm I. M., Alekseev V. V. *Stalinizm* [Stalinism]. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing Publ., 2012. 273 p. (in Russian).
2. Bogdanov A. A. *Empiriomonizm. Stat'i po filosofii* [Empiriomonism. Philosophical Articles]. Moscow, Respublika Publ., 2003. 400 p. (in Russian).
3. Bogdanov A. A. *Filosofiya zhivogo opyta. Populyarnye ocherki* [Philosophy of live experience. Popular sketches]. St. Petersburg, Izdaniye M. I. Semenova Publ., [n.d.]. 272 p. (in Russian).
4. Bogdanov A. A. *Desyatiletie otlucheniya ot marksizma. Yubileynyy sbornik. 1904–1914* [Decade of an excommunication from Marxism. The anniversary collection. 1904–1914]. *Neizvestnyy Bogdanov. V 3 kn.* [Unknown Bogdanov. In 3 volumes]. Moscow, ITS “AIRO-XX” Publ., 1995. 243 p. (in Russian).

5. Bogdanov A. A. *Voprosy sotsializma. Raboty raznykh let* [Problems of socialism. Works of different years]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 479 p. (in Russian).
6. Makh E. *Analiz oshchushcheny i otnosheniye fizicheskogo k psikhicheskomu* [The analysis of senses and the relation of physical to mental]. Moscow, Izdatel'ski dom "Territoriya budushchego", 2005. 304 p. (in Russian).
7. Bogdanov A. A. *Padeniye velikogo fetishizma. Vera i nauka* [The drop of great fetishism. Faith and science]. Moscow, KRASAND Publ., 2010. 224 p. (in Russian).
8. Lenin V. I. *Materializm i empiriokrititsizm* [Materialism and Empiriocriticism]. Lenin V. I. Sochineniya [Works]. 5-e izd [5th ed.]. Vol. 18. Moscow, Politizdat Publ., 1968. P.7. 384 p. (in Russian).
9. Bogdanov A. A. *Prikluyeniya odnoy filosofskoy shkoly: polemicheskiye zametki o G. V. Plekhanove i ego shkole* [One philosophical school adventures. Polemic notes about G. V. Plekhanov and his school]. Moscow, Izdatel'ski dom "LIBROKOM" Publ., 2012. 74 p. (in Russian).
10. Menskiy M. B. *Kvantovaya mekhanika, soznaniye i most mezhdvu dvumya kul'turami* [The quantum mechanics, consciousness and the bridge between two cultures]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*, 2004, no. 6, pp. 64–74 (in Russian).
11. Marx K. *Kapital* [The Capital]. Marx K., Engels F. Sochineniya [Works]. Vol. 23. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1960. P. 5, 784 p. (in Russian).
12. Belova A. A. *Aleksandr Aleksandrovich Bogdanov* [Alexandr A. Bogdanov]. Moscow, Meditsina Publ., 1974. 60 p. (in Russian).
13. *Ocherki istorii Tul'skoy oblastnoy organizatsii KPSS* [Sketches of Tula regional CPSU organization]. V 2 kn. [In 2 volumes] Kn. 1. [Vol. 1]. 1883–1937. Tula: Priokskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1983. 342 p. (in Russian).
14. Lutsenko A. V. A. *Bogdanov – teoretik i praktik RSDRP* [A. A. Bogdanov as theorist and an expert of RSDLP]. Seversk: Izdatel'stvo SGTI Publ., 2003. 184 p. (in Russian).
15. Pis'ma V. U. Lenina A. A. Bogdanovy o podgotovke s'ezda opublikovany v: Lenin V. I. Sochineniya. 5-e izd. T. 46 [Letters form V. I. Lenin to A. A. Bogdanov about III Congress of RSDLP preparing are published in: Lenin V. I. Works. 5th ed. Vol. 46]. Pp. 396–397, 404–406, 414–415. Vol. 47. Pp. 5–9, 153. (in Russian).
16. *Vystupleniya A. A. Bogdanova na III s'ezde RSDRP opublikovany v: Protokoly I stenographicheskoye otchety s'ezdov I konferentsiy Kommunisticheskoy Partii Sovetskogo Soyuza. Tretiy s'ezd RSDRP (aprel'-may 1905 g.). Protokoly* [A. A. Bogdanov's speeches at III Congress of RSDRP are published in: Reports and verbatim records of congresses and conferences of Communist party of Soviet Union. Third Congress (1905 April – May). Reports]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1959. Pp. 11–15, 72–79, 106–114, 253–255, 267–269 (in Russian).
17. Wolf B. D. *Three who made a Revolution*. Boston: Random House, 1960. 385 p.
18. *Mezhdunarodnyy Institut A. A. Bogdanova. Ofitsial'nyy sayt* [International Institute of A. A. Bogdanov. Official site]. URL: <http://www.bogdinst.ru/bogdanov/index.htm> (in Russian) (Accessed 28 June 2015).
19. *Bibliografiya proizvedeniy A. A. Bogdanova* [Bibliography of A. A. Bogdanov's works]. Mezhdunarodnyy Institut A. A. Bogdanova. Ofitsial'nyy sayt [International Institute of A. A. Bogdanov. Official site]. URL: <http://www.bogdinst.ru/bogdanov/bibliogr.htm> (in Russian) (Accessed 28 June 2015).
20. Bogdanov A. A. *Proletariat v bor'be za sotsializm* [Proletariat at its fight for socialism]. *Neizvestnyy Bogdanov*. V 3-kh kn. Kn.2. [Unknown Bogdanov. In 3 volumes. Vol. 2]. Moscow, ITs "AIRO-XX" Publ., 1995. P. 83–91 (in Russian).
21. *Dokumenty iz dela arestovannogo A. A. Bogdanova (Malinovskogo)* [Documents from dossier of arrested A. A. Bogdanov]. *Neizvestnyy Bogdanov*. V 3 kn. Kn. 1. [Unknown Bogdanov. In 3 volumes. Vol.1]. Moscow, ITs "AIRO-XX" Publ., 1995. Pp. 45–57 (in Russian).
22. *Materialy k biografii A. A. Bogdanova (1922–1928 gg.)* [Materials to A. A. Bogdanov's biography (1922–1928)]. *Vestnik Mezhdunarodnogo Instituta A. Bogdanova – Bulletin of International Institute of A. A. Bogdanov*, 2001, vol. 7. URL: <http://www.bogdinst.ru/vestnik/v07.htm> (in Russian) (Accessed: 28.06.2015).

Kupert Yu. V.
National Research Tomsk State University.
Pr. Lenina, 34, Tomsk, Russia, 634050.
E-mail: Kupert@rambler.ru

A. V. Lutsenko
Seversk Technological Institute – branch of National Research Nuclear University «MEPhI».
Pr. Kommunisticheskiiy, 65, Seversk, Tomsk Region, Russia, 636036.
E-mail: fantom9@rambler.ru